

Глава 2

Собрав свои немногочисленные вещи и завершив формальности с выпиской, Ли Жун вызвал такси и отправился домой.

Этот особняк должен был уйти с молотка через месяц по решению суда. Но поскольку Ли Жун остался совсем один, судебные приставы смотрели на ситуацию сквозь пальцы и не спешили выставлять его на улицу, позволяя прожить здесь последние тридцать дней.

В прошлой жизни он провёл этот месяц в забвении, прячась в четырёх стенах и истязая себя до неузнаваемости, но в итоге так ничего и не смог изменить. Повторять этот сценарий не было никакого смысла.

Ли Жун нащупал ключ, отпер дверь и вошёл. В нос ударил запах сырости — дом давно не проветривали.

То ли он слишком долго прожил в «золотой клетке» Цэнь Сяо, то ли просто отвык от прежней жизни, но сейчас родной дом показался ему до странности уютным в своей тесноте. Вся ценная антикварная мебель и картины были конфискованы, остались лишь предметы первой необходимости. На коричневом паркете отчётливо виднелись следы от ножек рояля, который когда-то волокли к выходу. Там, где раньше стоял инструмент, теперь лежал тонкий слой белёсой пыли.

В огромной вилле царило безмолвие — такое глубокое, что казалось, будто сквозь кирпичные стены можно услышать шипение стейка на сковороде у соседей.

Ли Жун невозмутимо отыскал удлинитель, поставил телефон на зарядку, а сам, сбросив одежду и прихватив полотенце, скрылся в ванной.

Когда на него обрушились потоки горячей воды, накопленная за неделю больничная липкость и вёдливый запах лекарств наконец смылись в водосток. Он тщательно вымыл каждый сантиметр тела, а под конец, окончательно обессилив, просто стоял, тяжело дыша и опираясь на ободок унитаза.

Стоило признать: физически его нынешнее семнадцатилетнее тело безнадёжно проигрывало двадцатитрёхлетнему. Если бы не Цэнь Сяо с его неисчерпаемой тягой изводить его, Ли Жун ни за что не стал бы два года изнурять себя тренировками по рукопашному бою в тщетных надеждах дать отпор.

В какой-то момент его движения замедлились. Он замер перед ростовым зеркалом, затуманенным паром, и сфокусировал взгляд на своём отражении — юном, почти детском лице.

«Сейчас в моём распоряжении интеллект и опыт взрослого человека. Неужели я не совладаю с восемнадцатилетним Цэнь Сяо?»

— Если сейчас его правильно направить, через четыре года он не будет таким безумным, — пробормотал Ли Жун.

Он скользнул ладонью вдоль живота к пояснице и слегка потёр затекшие мышцы.

Закончив с купанием, он с влажными, всё ещё капающими волосами прошёл в спальню. Натянув свободную футболку, Ли Жун забрался на кровать и, скрестив ноги, включил телефон.

Размеры гаджетов шестилетней давности казались крошечными, а дизайн приложений — безнадежно устаревшим. Ему потребовалось время, чтобы привыкнуть к интерфейсу.

За неделю набежала куча сообщений: кто-то искренне беспокоился, кто-то жаждал сплетен, а кто-то, наслушавшись слухов о его смерти, присылал соболезнования. В школьных и классных чатах любые новости о нём были под запретом, там царило фальшивое спокойствие: учителя по обыкновению раздавали задания, а количество отметившихся в журнале даже выросло.

[Сун Юаньюань: Ли Жун, твоя семья правда разорилась? Твои родители покончили с собой?]

[Сун Юаньюань: Я хотела навестить тебя, но мама не пускает]

Его нынешняя девушка, подруга детства, прислала эти две строчки в первый же день трагедии, и на этом их переписка оборвалась на всю неделю.

Ли Жун бесстрастно пролистал сообщения, пытаюсь воскресить в памяти образ Сун Юаньюань времён старшей школы. К сожалению, перед глазами всплывало лишь то, как она позже бросила его и отчаянно пыталась добиться расположения Цэнь Сяо.

Горькое воспоминание.

В день выпускного в Университете А, когда Сун Юаньюань устроила грандиозное признание Цэнь Сяо, Ли Жун случайно попал в кадр с печальной улыбкой на лице. Когда она встретилась с ним взглядом, на её лице отразился неподдельный ужас. И Цэнь Сяо не упустил этой детали.

Той ночью Ли Жун понимал, что Цэнь Сяо может устроить ему проблемы, но не ожидал, что решать их тот предпочтёт в постели. После этого случая его картина мира была разрушена и собрана заново.

Однако сейчас, в выпускном классе, они с Цэнь Сяо даже не добавили друг друга в друзья. Несмотря на то, что они уже два месяца сидели за одной партой, количество их диалогов

можно было пересчитать по пальцам. Они существовали как две параллельные прямые.

Ли Жун открыл список участников классного чата и нашёл профиль Цэнь Сяо с аватаром сине-золотого шиншиллы. Он несколько раз открывал страницу, но так и не решился нажать кнопку «Добавить».

Четыре года. Цэнь Сяо четыре года хладнокровно выжидал, пока не вцепился в его самое болезненное место, заставив подчиниться и показав своё истинное лицо.

Ли Жун тяжело вздохнул и негромко выругался: — Псих. Ну и терпение у тебя.

Ночь вступила в свои права. Бледный свет фонарей пробивался сквозь занавески, рисуя узоры на полу, а яркий экран телефона резал уставшие глаза. Ли Жун отложил мобильный, коснулся полусухих волос и, свернувшись калачиком в углу кровати, уснул, подложив руку под голову.

Он был измотан. События этого дня выпили из него все силы.

Ему казалось, что во сне он увидит многое: причину утечки газа в лаборатории, странное возвращение в прошлое, проект GT201... Но снов не было. Впервые за долгое время он спал глубоко и спокойно.

На следующее утро Ли Жун, вопреки своим привычкам, проспал. Он всегда придерживался строгого графика, особенно после вступления в исследовательскую группу Цзян Вэйдэ; даже после бурных ночей с Цэнь Сяо он никогда не опаздывал.

Взглянув на экран, он увидел: восемь утра. В школе уже начался первый урок.

Ли Жун попытался встать, но едва его ноги коснулись пола, как он согнулся пополам, схватившись за желудок. Острая, пульсирующая боль заставила его отпрянуть обратно на кровать. Холодный пот мгновенно выступил на лбу. Ли Жун закусил губу, сдерживая стон, и замер, дожидаясь, пока приступ утихнет.

Лишь спустя десять минут он смог расслабиться и бессильно откинуться на подушки, глядя в потолок и тяжело дыша. Намокшие пряди прилипли к бледному лицу, на длинной, изящной шее поблескивали капли пота. Утреннее солнце мягко согревало его ладонь.

С трудом восстановив силы, Ли Жун сменил футболку на школьную форму Школы А и, подхватив почти пустой рюкзак, вышел из дома. У дороги он купил стакан овсяного отвара, выпил самую жидкую часть, чтобы не нагружать желудок, а остатки оставил бродячим котам.

Школа А была присоединённой к Университету А старшей школой, настоящей кузницей кадров для будущей научной элиты. Учиться здесь могли либо гении, либо дети из очень влиятельных семей. Юноша когда-то принадлежал к обеим категориям сразу.

В последний раз он был здесь в качестве почётного гостя — представлял ведущих специалистов исследовательского института «Хунсо». Тогда всё руководство школы буквально бегало за ним, но он был не в духе: накануне они с Цэнь Сяо крупно повздорили, и Ли Жун чувствовал себя так, словно все кости в его теле переломаны.

— Время-то видел? Чего застыл! — охранник, ворча, нажал кнопку, открывая железные ворота. Его взгляд, словно сканер, бесцеремонно прощупывал Ли Жуна.

Работа охранником в Школе А требовала особого чутья: нужно было держать в узде заносчивых подростков, но при этом не нажить себе врагов в лице их могущественных родителей.

Он, не меняясь в лице, прошёл мимо.

— Стоять. Класс какой? Пиши фамилию, — охранник швырнул ему журнал учёта опоздавших.

Парень помнил и номер класса, и имя учителя. Быстро заполнив графы, он на мгновение замер перед строчкой «Подпись». Его нынешний почерк наверняка отличался от того, что был в семнадцать лет. Впрочем, это длилось лишь секунду — он уверенно расписался и вернул журнал.

— Иди давай! Выпускной класс, а всё опаздываешь, — проворчал охранник.

Поднявшись на нужный этаж, Ли Жун нашёл свой кабинет. Внутри стоял невообразимый шум — видимо, учитель куда-то вышел.

— Что в последнем задании теста?

— Как думаете, Ли Жун вернётся? Или у нас больше не будет старосты?

— Эй, а красавица Сун из соседнего класса что-нибудь знает?

— Зачем учитель Ян вызвала брата Сяо?

Ли Жун толкнул дверь.

В ту же секунду в классе воцарилась тишина, какой не удавалось добиться даже директору. Казалось, всё живое в комнате перестало дышать. Сорок пар глаз уставились на него. Ученики

замерли, затаив дыхание, и в их взглядах читалось нечто особенное.

Это не была злоба или сочувствие. Это был чистый инстинкт — жадное любопытство. Всем хотелось увидеть, как поведёт себя тот, кто рухнул с вершины в самую бездну. В этот миг каждый в классе превратился в исследователя, ожидая, что холодный и безупречный староста совершит нечто из ряда вон выходящее, что навсегда войдёт в анналы школьных сплетен.

Юноша спокойно стоял в дверях, позволяя им вдоволь налюбоваться собой.

— Какой сейчас предмет? — обыденным тоном спросил он.

— Экзамен... по химии, — слышался робкий ответ.

— Понятно.

Он окинул класс взглядом. Парень не очень хорошо помнил, где именно сидел, но в третьем ряду на второй парте пустовало два места. Ни его, ни Цэнь Сяо. По правилам школы, в конце дня столы должны были оставаться абсолютно чистыми, поэтому обе столешницы блестели пустотой. Ли Жун не был уверен, с какой именно стороны его место. В конце концов, в школе их с Цэнь Сяо ничего не связывало.

Староста по химии, сидевший на первой парте, указал на учительский стол: — Староста, там листы с заданиями. Учитель сказала сдать в конце урока.

— Спасибо, — юноша взял один экземпляр и направился к пустующей парте.

Ему было всё равно, с какой стороны садиться. Учитывая, что в будущем они делили одну постель, делить парту было делом пустяковым.

Пока Ли Жун отсутствовал, о нём ходили самые дикие слухи; некоторые были уверены, что он погиб вместе с родителями. Но стоило ему войти, как морок рассеялся. Подростки быстро привыкают к новостям: пережив первый шок, класс вернулся к тестам.

Он бросил рюкзак и пробежал глазами по заданиям, которые теперь казались ему бесконечно далёкими. Изучив тест от начала до конца, Ли Жун невольно подумал о том, как много времени в школе тратилось на подобную ерунду. Ему определённо стоило закончить экстерном.

— Кхм...

Слабость после болезни ещё не отпустила его. Короткая дорога до школы выжала из него все соки, и он снова покрывался испариной. Тонкая ткань формы прилипла к спине, и от малейшего

сквозняка его пробирал холод до самых костей.

Ли Жун отодвинул лист на край стола, скрестил руки и, уронив голову на локти, закрыл глаза. Впервые в жизни он позволил себе открыто спать на уроке.

И это было чертовски приятно.

«Я не увижу родителей, погибших от отравления газом, и уж тем более не встречу с тем скотом, одержимым своими прихотями. У меня много поводов для сожалений. И если жизнь дала мне второй шанс, я предпочту прожить её в своё удовольствие, наверстывая всё то, чего был лишён раньше».

Цэнь Сяо вернулся в класс в дурном расположении духа.

Он шёл, засунув одну руку в карман брюк, пиджак был небрежно расстёгнут, а на шее поблескивала тонкая чёрная цепочка. Подняв взгляд, он первым делом увидел Ли Жуна, который бесцеремонно занял его место и мирно спал.

Ли Жун спал очень аккуратно: руки скрещены, пальцы расслаблены, голова спрятана в изгибе локтей. Мягкие, чуть длинноватые волосы рассыпались по плечам. Сквозь тонкую кожу век просвечивали синеватые сосуды, а между левым виском и краем глаза виднелась крошечная аккуратная родинка. На фоне болезненной бледности кожи это пятнышко казалось удивительно ярким.

Юноша молча созерцал эту картину несколько долгих секунд. Ли Жун сидел, слегка ссутулившись, край пиджака сполз с его плеча, обнажая изящную линию шеи. Выступающие позвонки выглядели так хрупко и притягательно, что их невольно хотелось сжать в ладони.

Наконец парень бесцеремонно пнул ножку стола.

— Поднимайся. Ты на моём месте.

Видимо, из-за того, что Ли Жун впервые уснул в классе, его сон был необычайно ярким.

Ему снилось, что он тонет в абсолютно чёрной воде. Берега не было видно, как не было и ни единого лучика света. Затем появилось чудовище с неразличимым лицом; оно скалилось и хрипло хохотало:

«Неблагодарный... ты должен умереть!»

Он уже готов был окончательно погрузиться в бездну, как вдруг море содрогнулось. Тьма начала рассеиваться, могильный холод отступил. Теперь Ли Жун словно парил на мягких облаках, согретый ласковым солнцем. Ему совсем не хотелось открывать глаза.

Всё было идеально, если бы не рука... Она затекла до немоты. Боль стала невыносимой, и Ли Жун нехотя разомкнул веки.

Первое, что он увидел, было до боли знакомое, пугающе красивое лицо. Он знал каждую его черту: бесчисленные ночи напролёт этот человек сжимал его шею, заставляя смотреть на себя сквозь пелену слёз и дрожь.

На грани сна и яви Ли Жун недовольно поморщился. С трудом приподняв веки, он закатил глаза и пробормотал раздражённым голосом:

— Хватит уже, поясница болит.

<http://bllate.org/book/15351/1412312>